

здесь кроются корни распространенных представлений о праве как о принудительной силе, действующей преимущественно посредством требований, и ответственности за их неисполнение, состоящем в основном из ограничений и запретов, действующем часто формально, без достаточного учета всей сложности регулируемых конкретных отношений, не в соответствии с житейской (а иногда и социальной) целесообразностью и нравственной оправданностью. С подобными представлениями тесно связано мнение о возможности и допустимости в некоторых случаях обойти правовые запреты, принять формальное правоприменительное решение или формально исполнить свои правовые обязанности, пренебречь правовыми предписаниями из соображений целесообразности.

Надо отметить также, что образ права наряду с позитивным значением может включать и заблуждения, ошибочные представления, иллюзии житейского опыта. Значительное место в нем занимают социально-правовые стереотипы, представляющие собой смысловые (семантические) комплексы, характерными психологическими свойствами которых являются: малое количество внутренних измерений; упрощенное отражение реальности; замкнутость; «непроницаемость», превращающая стереотипы в жесткий алгоритм переработки информации соответствующего содержания. Включение стереотипов в процесс психической регуляции поведения резко снижает гибкость и глубину обратной связи с ситуацией, экономя психические усилия субъекта, но одновременно значительно повышая вероятность неадекватного восприятия и неэффективного действия¹².

Развитие социалистической демократии, курс на построение правового государства в нашей стране предполагают глубокие изменения в общественном правосознании и особенно в наиболее активной его части — правовой психологии. Речь идет о формировании действительного образа советского права вместе с изменением самого права. В представлениях о регулятивных возможностях права ведущая роль должна принадлежать его социальной оправданности и справедливости, нравственному содержанию, высокому авторитету и реальной дееспособности правоприменительных государственных органов, способности права к социальной интеграции, к снятию противоречий и конфликтов, решению спорных вопросов, практической обеспеченности осуществления предоставляемых правом возможностей, правомерных действий и правовой активности, а также гарантированности свобод и субъективных прав граждан.

¹ См.: Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979 С. 10.

² См.: Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 27.

³ См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967. С. 292.

⁴ См.: Неновски Нено. Право и ценности. М., 1987. С. 176—177.

⁵ См.: Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии М., 1985. С. 58.

⁶ См.: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981. С. 297.

⁷ См.: Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988. С. 39.

⁸ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 148.

⁹ См.: Психологический словарь. М., 1983. С. 112.

¹⁰ См.: Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. С. 34.

¹¹ См.: Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решения: Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 260.

¹² См.: Назаретян А. П. Социальные стереотипы в информационно-смысловой системе личности // Актуальные проблемы социальной психологии. Ч. I. Кострома, 1986 С. 110.

А. А. ДАНИЛЕВИЧ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ

Судебные прения — достаточно сложное системно-структурное образование, имеющее различные аспекты: правовой, этический, логический и др. Но прежде всего — это акт психологический, результат деятельности человека, плод его интеллектуальных усилий. В психологической структуре судебных прений выделяются такие компоненты, как психологические функции судебной речи, психологические свойства и качества выступающего, психология восприятия речи и воздействие последней на формирование

судейского убеждения. Поэтому именно эти компоненты речи нуждаются, в первую очередь, в научном анализе, хотя, разумеется, они и не исчерпывают всего содержания психологической структуры судебных прений.

Психологические функции судебных прений достаточно широки и многообразны. Находясь в тесном единстве и взаимосвязи с остальными элементами судебных прений, они имеют свой спектр проявления, свои особенности внешнего выражения. К наиболее значимым психологическим функциям судебных прений относятся коммуникативная, информативная, эмоционально-экспрессивная и побудительная (регулятивная) функции.

Судебные прения выступают прежде всего как средство общения, коммуникации, как способ обмена мыслями и суждениями, как форма отстаивания их участниками своих процессуальных позиций. С точки зрения психологии общение — это процесс взаимодействия людей, форма реализации связей между ними¹. Однако общение в процессе судебных прений — это не только межличностное общение, выражающее личные взаимоотношения участников судебных прений. В данном случае общение выражает объективно существующую между участниками судебных прений связь, обусловленную их процессуальным положением, процессуальными задачами, равно, как и правовыми средствами их осуществления. Поэтому «способы и содержание общения определяются социальными функциями вступающих в него людей, их положением в системе общественных... связей². Отсюда возникает необходимость определенной формализации вопросов, рассматриваемых в процессе общения в судебных прениях, порядка обмена информацией, ее содержания и целого ряда других параметров. Это требует определенного расширения уголовно-процессуального регулирования процесса общения в ходе судебных прений.

Как и в любом общении, в процессе судебных прений происходит не односторонняя передача информации, а взаимный обмен ею. Информационная связь при этом опосредуется целями, которые преследует каждая из сторон взаимодействия. Определенное различие конкретных целей участников судебных прений порождает необходимость установления между ними психологического контакта. Такой контакт включает в данном случае три основных элемента. Во-первых, это — возбуждение интереса к обмену информацией и активной мыслительной деятельности по ее переработке. В процессе судебных прений происходит передача информации участниками судебных прений составу суда и судебной аудитории. Это не односторонний процесс. Со стороны суда необходимы: а) определение нужного объема, относимости и допустимости получаемой информации с точки зрения формирования правильного судейского убеждения по тем или иным обстоятельствам дела; б) мысленная переработка этой информации, логическое ее структурирование, установление причинно-следственных, корреляционных и иных видов связей, отыскание противоречий, пробелов; в) построение на этой основе вероятностных мысленных моделей, помогающих оценить обстоятельство дела.

При этом информация должна оцениваться как удовлетворяющая или не удовлетворяющая определенные требования, обладающая или не обладающая необходимыми качествами. Среди этих качеств важнейшее — это достоверность информации, определяемая как ее обоснованная и доказанная истинность. Объективная истинность информации заключается в ее соответствии реальному положению вещей³. Достоверность информации связана с доказанностью и обоснованностью ее истинности, что порождает соответствующую уверенность в этом ее качестве у состава суда.

Существенную роль в формировании судейского убеждения играет такая качественная характеристика информации, как ее ценность, которая определяет степень увеличения вероятности достижения цели с получением этой информации. В нашем случае такой непосредственной целью, стоящей перед судом, вероятность которой меняется в зависимости от ценности информации, является принятие правильного и обоснованного судебного решения по делу.

Важной предпосылкой повышения качества информации является также ее системность (комплексность). Комплексная информация позволяет суду охватить все элементы, связи, стороны, свойства и качества исследуемых обстоятельств дела. Комплексность информации, как и другие ее качественные характеристики, во многом обеспечивается предоставлением разнообразных сведений участниками судебных прений и активной деятельностью состава суда по их сопоставлению, осмысливанию и оценке.

Вторым элементом психологического контакта является взаимопонима-

ние участников общения в ходе судебных прений. Взаимопонимание позволяет исключить целый спектр искажений, обусловленных непониманием или неполным пониманием содержания информации, произвольным ее истолкованием, буквальным восприятием там, где информация должна восприниматься только с учетом конкретной ситуации.

Третьим элементом психологического контакта между участниками судебных прений является возможность регулирования их поведения со стороны суда. Этим обеспечивается необходимая активность участников судебных прений и предотвращение возможности конфликтов в их взаимоотношениях.

В судебных прениях преобладает знаковая форма коммуникации. Мысли, доводы, аргументы выражаются с помощью слов, фраз, суждений, умозаключений. Их изложение нередко сопровождается соответствующими жестами, мимикой, что помогает выступающему оттенить какие-то соображения, обратить на них особое внимание слушателей, выделить их из общего потока информации.

Помимо коммуникативной функции, судебные прения выполняют информативную функцию. Речь каждого участника судебных прений должна содержать не только сведения об исследуемых событиях, но и данные, подтверждающие правильность интерпретации этих событий, обоснованность выводов и предложений, иначе говоря, речь должна быть аргументированной, доказательной, убедительной. С этой целью каждый участник судебных прений в соответствии со своей процессуальной позицией анализирует и оценивает собранные по делу доказательства, формулирует свои выводы и обосновывает их теми данными, которые были добыты в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства дела. При этом тщательно и придирчивому анализу должны быть подвергнуты не только те доказательства, которые подтверждают позицию выступающего, но и те, которые не согласуются с ней, противоречат ей. Этим обеспечивается всесторонность, полнота и объективность исследования, убедительность сделанных участниками судебных прений выводов, обоснованность предлагаемых ими решений.

Судьи осмысливают и сопоставляют доводы и аргументы обвинителя и защитника, отмечают сильные и слабые стороны в аргументации участников судебных прений. Это позволяет им внести коррективы в свои оценки, сделать правильные выводы, принять законное и обоснованное решение.

Для принятия правового решения (в особенности приговора) суду нужны не просто знания, а знания, отражающие объективную истину, обеспечивающие вынесение законного, обоснованного, мотивированного и справедливого приговора. Поэтому важнейшей задачей участников судебных прений является анализ собранных по делу доказательственных данных, их систематизация и оценка, обсуждение того, почему одни доказательства могут быть положены в основу принимаемого решения, другие отвергаются, не принимаются во внимание.

Выступая с судебной речью, участники судебных прений не только излагают свои соображения, приводят соответствующие доводы, высказывают определенные суждения и предложения. Они непременно выражают свое отношение к тем событиям и фактам, которые исследуются, к той роли, которую играли в этих событиях участники процесса. Это могут быть одобрение или неодобрение, восторг или негодование, радость или возмущение, горечь или сожаление и иные чувства. Они окрашивают речь в определенные эмоциональные тона, придают ей соответствующую психологическую направленность, влияют на выбор языковых средств, в известной степени определяют ее композицию и эмоционально-экспрессивный строй.

Конечно, судебные прения — это не состязание обвинителя и защитника в красноречии. У суда свои задачи и свои формы деятельности. Но судебные прения, призванные обобщить и осмыслить результаты судебного следствия, не могут оставаться в рамках чисто информационного анализа и примитивно-казенного выражения мысли. Важно не только способствовать отысканию истины, выяснению степени вины и ответственности подсудимого, но и помочь сделать это настолько убедительно, настолько доказательно, настолько зримо и ярко, чтобы суд и все присутствующие в зале судебного заседания согласились с суждениями и выводами выступающего, разделили их. И в этом плане эмоционально-экспрессивные средства речи играют не последнюю роль.

Выступающий в судебных прениях может вызывать у слушателей различные эмоциональные переживания и чувства, которые помогают ему убе-

дить суд и всех присутствующих в зале в правильности даваемой им интерпретации и оценки фактических и юридических обстоятельств дела и необходимости принятия соответствующего судебного решения.

Эмоциональная коммуникация в процессе судебных прений осуществляется при помощи различных средств, основным из которых является выражение эмоций с помощью речи. При этом возможны две различные формы такого выражения. Оно может проявляться в эмоциональной окраске речи, т. е. насыщении ее определенными выражениями, оборотами, фразами, несущими эмоциональную нагрузку. Другой формой усиления воздействия на слушателя является словесное описание эмоций⁴. Существенное значение для эмоциональной коммуникации имеют также внешние экспрессивные проявления психической деятельности: мимика, жесты, произвольные изменения выражения лица, изменение его цвета, движения рук, поза.

Важной для судебных прений является и побудительная (регулятивная) функция⁵. Ее суть заключается в том, чтобы убедить подсудимого в необходимости пересмотреть свои ценностные ориентации, отказаться от тех из них, которые носят антиобщественный характер и не могут способствовать достижению ни личных, ни социально значимых целей. Судебные прения должны побуждать подсудимого к такому поведению, такому образу мышления, таким оценкам, которые отвечали бы целям и задачам общества, его коренным интересам, а стало быть и интересам самого подсудимого. Побудительное воздействие со стороны участников судебных прений должно быть всегда строго ориентировано: иметь конкретного адресата или адресатов, быть целенаправленным.

¹ См.: Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 246.

² Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии // Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 7.

³ См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание: Методологические проблемы. М., 1969. С. 203; Альперт С. А., Бажанов М. И. Законность и обоснованность актов обвинения // Правоведение. 1965. № 3. С. 106.

⁴ См.: Рейковский Я. Экспериментальная психология. М., 1979. С. 159—160.

⁵ См.: Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972. С. 136—137.

И. Е. GERMANOVA

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Предпосылкой социалистической законности в уголовной политике является правильная оценка содеянного, в том числе и правильная квалификация продолжаемых преступлений. В действующем советском уголовном законодательстве отсутствует понятие продолжаемого преступления. Определение ему выработано судебной практикой. Постановлением 23-го пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 года (с изменениями, внесенными постановлением пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 года № 1) дано разъяснение, что под продолжаемыми понимаются «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление»¹.

Проблема продолжаемого преступления является одной из сложных и дискуссионных. А. М. Ораздурдыев дает определение продолжаемого преступления как «слагающегося из ряда однородных актов действия (или бездействия), совершаемых одним и тем же способом, объединенных единым умыслом (или единой неосторожностью) и направленных на единый объект»². Под «единым продолжаемым преступлением, совершенным по неосторожности, — по мнению А. М. Ораздурдыева, — необходимо признать неоднократные деяния, совершенные лицом до момента фактического осознания им ошибочности выполняемых действий либо ошибочности избранных им способов предотвращения общественно опасных последствий»³. С таким взглядом на продолжаемое преступление трудно согласиться. По нашему мнению, продолжаемое преступление — способ реализации преступного намерения, слагающийся из ряда последовательных целенаправ-